Иван ОБРАЗЦОВ

ЛИТЕРАТУРА – ЭТО ИДЕОЛОГИЯ

Конструирование и бесконечное воспроизведение порочного круга прибавочной стоимости — так можно и нужно обозначить всю ту деятельность, что развивается сегодня вокруг книжной индустрии и, по сути, формирует дальнейшее топтание на месте всего литературного процесса.

Речь не о самой книжной индустрии, так как для анализа её системных процессов вполне достаточно вспомнить классические и, как следствие, архаичные формы отчуждения плодов интеллектуального труда автора. На этом построен современный книжный рынок России, и говорить о скором изменении данного положения дел нет никакого смысла, так как это есть лишь часть общего процесса капитализации всего и вся как наследия принятых ещё более трёх десятков лет назад рыночных установок ведения любого бизнеса.

Важно лишь отметить, что за каждым бизнесом стоят вполне конкретные люди с вполне определёнными представлениями о смысле и цели собственной жизни. Очевидно, что совершенно примитивное понимание книжной индустрии как одной из бизнес-структур происходит из совершенно деструктивных и упрощающих мировоззренческих установок в головах тех самых людей — владельцев книжного рынка. Да, здесь надобно просто пронаблюдать используемые бизнес-стратегии, чтобы увидеть абсолютную идентичность продвижения любого книжного продукта, как рекламирования новой линейки моющих средств или витаминизированных йогуртов.

С точки зрения владельцев (и ни для кого не секрет — монополистов) российской книжной индустрии, любой автор и его произведение есть лишь товар. Как давно известно, для успешного извлечения прибыли важно иметь все юридические права на владение средствами производства непосредственно материализованных интеллектуальных продуктов — бумажных и электронных книг. То есть ценность обретают не сами интеллектуальные идеи, а их материализованное воплощение — книга-товар.

Владение полиграфическими комбинатами, типографиями, издательствами, электронными площадками и сетями магазинов позволяет диктовать условия для каждого, кто пытается не просто создать художественное произведение, но сделать своё произведение максимально известным в среде носителей языка и в целом — культуры. Художественная литература в данном случае имеет особое положение в любой развитой языковой культуре, так как является проводником идей и даже (не будем стыдливо умалчивать очевидное) — идеологии. Цель автора произведения в данном случае является совершенно не той же целью, что цель владельца книжной бизнес-индустрии.

Так какова же тогда цель автора, если с целью владельцев индустрии всё более-менее понятно? Здесь можно коротко напомнить вещи довольно очевидные, но одновременно с тем вполне адекватные и по сей день. Однако именно избегание серьёзного понимания очевидных вещей и характеризует значительную часть приспособившихся имитаторов отечественной литературы, живущих лишь бизнес-идеей извлечения прибавочной (да, на самом деле, какой угодно) стоимости от сбыта собственных сочинений и капитализации так называемой «культ-просветительской» деятельности.

Здесь начинается тонкий лёд спорных мнений, но дабы не провалиться в демагогию и популизм (хотя найдутся и те, кто именно в этом нас обвинит в первую очередь), достаточно напомнить те устойчивые эффекты литературного творчества, которые уже многократно были продемонстрированы на практике. Это в первую очередь известный исторический опыт формирования смысловых массивов культуры посредством проникновения литературных произведений в массовое сознание носителей

языка. Довольно продуктивно представить данное явление через гравитационную метафору, когда литературное произведение постепенно обретает массивность (или лучше использовать термин «вескость») в поле культуры и постепенно деформирует последнее, начиная влиять на общественные процессы.

Ещё одно несомненное следствие обретения литературными произведениями мощной вескости — изменение литературного процесса, формирование определённых интеллектуальных тенденций при создании произведений последующими поколениями авторов. Речь не о появлении стилистических школ или очередных измов, а об интеллектуальном интересе, который проявляется как процесс саморазвития художественной литературы в среде носителей языковой культуры.

Но с этого момента необходимо объясниться и уточнить то, что имеется в виду под «саморазвитием» и «влиянием на общественные процессы». В случае саморазвития мы говорим о росте самосознания индивидов, обретения не новых форм физиологического развлечения и чувственного досуга, а новых форм «преодолённого», а в перспективе и «преодолевающего самого себя» разума, освобождённого от бесконечной погони за вещевым накоплением закрепощающего круговорота вечно повторяющихся фактов. Разумеется, при капиталистических системах общественных взаимоотношений такая постановка вопроса выглядит идеализмом, тем не менее именно это и есть ядро литературного творчества, интеллектуально эволюционирующего, а не замыкающегося в вечной погоне за количественными показателями материальной прибыли.

Отсутствие свободы в современном российском обществе обусловлено прежде всего банальной экономической нищетой значительной части населения, колоссальным номенклатурным автоматизмом культуры и тошнотворным пресыщением так называемой финансовой элиты. Казалось бы, что для литературного творчества открываются невероятные возможности, ведь формирование новой идеологии в условиях кризиса и есть то поле интеллектуальных изысканий, где могут произрасти новые формы общественных взаимоотношений. Но пессимизм ситуации заключается в том, что такая литература становится первым и главным врагом сытой финансовой верхушки, и именно поэтому все усилия указанной верхушки будут направлены на сохранение статус-кво в современной книжной бизнес-индустрии как части всей системы концентрации финансовых ресурсов в руках узкого (относительно всего населения России) круга владельцев.

Именно эти обстоятельства препятствуют развитию российской литературы и культуры в целом. Более того, они и дальше будут настойчиво стремиться сохранять своё влияние, особенно в государственных структурах, так как единственная реальная возможность изменения подобных деструктивных обстоятельств — это изменение государственной политики, причём изменение радикальное. Недостаточно простых финансовых вливаний, так как в данное время сформирована и юридически закреплена огромная монополия книжного бизнеса, которой можно противопоставить не другую монополию, а полное изменение правил игры.

Литература — это идеология, и понимание данного определения происходит из того кризиса, что был порождён законодательным «многообразием идеологий», а владельцам книжного бизнеса позволяет разделять пространство отечественной культуры на концентрационные сектора «по интересам», тем самым разрушая сами основы современного российского общества. Можно отмахнуться от этого, но в таком случае не стоит удивляться, когда конвейерная сочинительская потуга условного выпускника частно-издательской литмастерской порождает волну деструктивных настроений в среде молодёжи, из которой через один-другой десяток лет во власть придёт следующая партия «реформаторов», являющихся, на самом деле, выдвиженцами одного и того же безродного и космополитического капитализма, продолжающего политику существования слуг и господ.

Несвобода как неразвитость вещевого разума индивида и есть тот самый примитивный и тупой инструмент, являющийся на сегодняшний день главным формирователем текущей повестки. А то, что выдаётся за свободу, есть банальная вседозволенность, то есть тоталитаризм размывающей толерантности — это подмена истинной свободы личного и общественного развития на «счастливое рабство» материальности, физиологии и отчуждаемых плодов материально-трудовой и творческой деятельности подчинённого этой системе индивида и гражданина.

Подлинное литературное творчество — это появление новых способов существования, которые отрицают идеологию сытых и счастливых рабов на службе у «доброго господина». Здесь невозможно ограничиться какой-то там «супергероикой» на потребу текущей новостной повестке, так как на любого супергероя неизбежно и в силу диалектичности самой человеческой действительности найдётся такой же привлекательный суперзлодей.

Можно с уверенностью сказать, что педалирование тематического сектора супергероизма (даже выдаваемого за просто героизм) ни в коей мере не есть достаточная и даже адекватная современному кризису мера, ибо диалектика происходящих процессов указывает на необходимость полного изменения правил игры и на необходимость репрессивного цензурирования существующих бизнес-моделей частного книжного бизнеса.

Данная борьба ни много ни мало — за будущее общество, и радикализм методов (в том числе с использованием сознательно формируемых юридических прецедентов и жёстких финансовых исключений) есть неизбежная и очевидная тактика, которая позволит одержать стратегическую победу в данной борьбе за литературу. В борьбе именно за отечественную литературу, которая и может быть сегодня единственной подлинной идеологией свободы, реализуемой без формального нарушения конституционного принципа «идеологического разнообразия».

СИНТЕЗИРОВАННЫЙ ТВОРЕЦ ОБЪЕКТА ИСКУССТВА

Сегодня искусством уже является то, что создается с помощью нейросетей (правда, пока это можно довольно широко обозначить как ассоциативный сюрреализм и лирический примитивизм). Почему? Ответ вполне очевиден. Противопоставление сознания человека и искусственного интеллекта как нарочитой оппозиции изживает себя, оно становится неактуальным, так как не соответствует реальному положению вещей.

Как известно, модели искусственного интеллекта типа нейросетей обучающихся на распознавании больших массивов данных (а именно — визуальных образов) — это модели распознавания формы, но не её смысла. По этой причине нейросети могут выдавать на сформулированный пользователем запрос какие-то совершенно хаотичные картинки или довольно простые (относительно простые) тексты сомнительного художественного качества.

Но искусство уже, судя по всему, проникло в эту область, и необходимо воспринимать работу человеческого сознания с искусственным интеллектом как наше сознание, продолженное с помощью электронных технологий. Именно как часть нашего сознания в смысле синтеза человеческого сознания с электронной моделью как вспомогательной мощностью. Это можно определить как «расширенный разум», в котором нейросеть, а не авторучка, ну или клавиатура, является этапом или инструментом на пути к реализации его замыслов. Именно потому, что пока нет адекватной исторической практики, созданные с помощью нейросети художественные тексты иногда выглядят вполне творческими, хотя могут грешить фактическими ошибками. Но всё же это часть процесса развития искусства, по крайней мере по формальным признакам.

Созданные, например, с помощью ChatGPT картины или тексты являются объектами искусства в том смысле, что, во-первых, они есть плод исходного запроса пользователя, а значит, именно запрос становится той исходной точкой, на которую получен ответ. Во-вторых, учитывая, что данная нейросеть «обучается» на формах, образах, то мы можем говорить об искусстве формы, где образы букв алфавитов уравнены с визуальными образами наблюдаемого окружающего мира (имажинисты наверняка были бы в восторге от современных возможностей ChatGPT).

На данном этапе искусство заключается в том, чтобы задать параметры запроса. Влияя заданными параметрами на нейросеть, пользователь совершает тот же акт, что художник совершает с языком внутри своего сознания, а вместо кисти или грамматики стандартизированного словаря работает через преломлённые нейросетью массивы образов.

Творить возможно только из материала, просто материал нейросети абстрактен (в определённом смысле), не материализован ни в чём, кроме монитора и диска, про-

гоняющего невидимые глазу электронные базы данных. С другой стороны, человеческая речь также не материализована ни в чём, кроме сознания говорящих, и, тем не менее, позволяет создавать шедевры искусства.

В случае нейросетей мы, по сути, имеем дело с совершенно новым инструментом создания объектов искусства, но по причине терминологической путаницы многие продолжают этого не замечать. Сам по себе термин «искусственный интеллект» довольно быстро оказался соотнесён в массовом сознании с чем-то чуждым, оппозиционным «нормальному», «естественному» интеллекту. Именно ненормальность подобного семантического соотнесения создала массивные смысловые кластеры, связанные с оппозицией естественный/искусственный интеллект.

Возможно психологическая эйфория прошлого века и сопровождавших его потрясений и технологических открытий повлияла на указанные процессы, но несомненным фактом остаётся то, что все модели ИИ являются всего лишь инструментом, подобным топору плотника или кисти художника (или, как сказано выше, авторучке и клавиатуре литератора). Только это топор и кисть совершенно нового уровня созидания.

Логические модели ИИ, ограниченные предсказуемыми алгоритмами, имеют тот же принцип синтеза с человеческим сознанием, но чаще применяются для творческих задач нехудожественного типа. Например, решения уравнений и вычисления необходимых параметров для современных естественнонаучных исследований, создания и обработки аналитических данных, расчёта траекторий и проч. Скажем об этом лишь для того, чтобы было ясно принципиальное отличие этого типа моделей ИИ и их малая функциональность в качестве художественного инструмента.

Поэтому основной вопрос заключается не в том, что любая модель ИИ может или не может быть оппозицией естественному человеческому интеллекту, а в том, в чьих руках находятся мощности этого самого ИИ. Именно владение возможностями искусственного интеллекта задаёт задачи и преследует конкретную цель, что намного существеннее, чем пустые споры по поводу опасности замены интеллекта человека искусственным — машинным интеллектом.

Любые эсхатологические ожидания и фантазмы о постапокалиптическом мире, где правит ИИ, являются в общем-то артефактом мистического сознания человечества и отдают религиозными ожиданиями конца света. И, конечно же, это сопровождается знакомой риторикой о деградации общества и прочими давно известными страшилками, но именно по этой причине необходимо понять само явление ИИ, чтобы обнаружить те подлинные опасности, что имеются в его мощностях.

Опасности же исходят не от электронных моделей, а от людей, владеющих компаниями по разработке и внедрению современных технологий, так как эти люди осуществляют свою деятельность в исключительно капиталистической парадигме. Капитализм (с его стремлением к прибылям без каких-либо морально-нравственных ограничений), как давно известно, есть модель деградационная, и никаких иных серьёзных опасностей, кроме устаревшего капитализма и его примитивных апологетов, для человечества сегодня не существует.

И здесь как нельзя кстати вспоминается (деликатно обруганный и элегантно облёванный «либерально-демократическими эстетами») постапокалиптический роман Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», где ярко демонстрируются возможности нейросетей (в романе они названы креативными доводчиками), которые используются, ни много ни мало, для формирования бесконечной новостной повестки и обоснования не менее бесконечных войн «орков», за которыми наблюдают «люди» из государства-демократуры Бизантиума. Поэтому, когда какой-нибудь высокопоставленный господин Г. начинает «топить» за внедрение нейросетей, то становится понятна подлинная цель этой топки — финансовая прибыль во что бы то ни стало. Чем это заканчивается? Ну... явно не объектами искусства. Потому основная опасность исходит не от моделей ИИ, а от людей и только от людей.